Russian Journal of Neurosurgery | НЕЙРОХИРУРГИЯ
ТОМ 23 Volume 23
3'2021

DOI: 10.17650/1683-3295-2021-23-3-113-121

CC BY

ЭПИЛЕПСИЯ ДОСТОЕВСКОГО

А.Ю. Улитин, Г.В. Одинцова, В.Г. Нездоровина, С.М. Малышев

Российский научно-исследовательский нейрохирургический институт им. А.Л. Поленова – филиал ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр им. В.А. Алмазова» Минздрава России; Россия, 191104 Санкт-Петербург, ул. Маяковского, 12

Контакты: Алексей Юрьевич Улитин *ulitin_ayu@almazovcentre.ru*

Существует множество свидетельств того, что великий русский писатель и публицист Федор Михайлович Достоевский страдал эпилепсией. Данное заболевание не только имело большое влияние на личность Достоевского и его взаимоотношения с окружающими, но и нашло отражение в его творчестве. Выдвинуто предположение о том, что Достоевский страдал медиобазальной височной фокальной эпилепсией с экстатической аурой – формой, получившей впоследствии его имя.

Ключевые слова: медиобазальная височная фокальная эпилепсия, экстатические ауры, Достоевский

Для цитирования: Улитин А.Ю., Одинцова Г.В., Нездоровина В.Г., Малышев С.М. Эпилепсия Достоевского. Нейрохирургия 2021;23(3):113–21. DOI: 10.17650/1683-3295-2021-23-3-113-121.

Dostoevsky's epilepsy

A.Yu. Ulitin, G.V. Odintsova, V.G. Nezdorovina, S.M. Malyshev

Russian Research Neurosurgical Institute – a branch of the V.A. Almazov National Medical Research Centre, Ministry of Health of Russia; 12 Mayakovskogo St., Saint Petersburg 191104, Russia

Contacts: Aleksey Yuryevich Ulitin *ulitin_ayu@almazovcentre.ru*

There is a lot of evidence that a great Russian writer and essayist Fyodor Mikhailovich Dostoevsky suffered from epilepsy. Not only this disease had influence on Dostoevsky's personality and social life, but also affected his creative work. Dostoevsky is believed to suffer from mesiobasal temporal lobe epilepsy with an ecstatic aura – a form named after him afterwards.

Key words: mesiobasal temporal lobe epilepsy, ecstatic aura, Dostoevsky

For citation: Ulitin A.Yu., Odintsova G.V., Nezdorovina V.G., Malyshev S.M. Dostoevsky's epilepsy. Neyrokhirurgiya = Russian Journal of Neurosurgery 2021;23(3):113–21. DOI: 10.17650/1683-3295-2021-23-3-113-121. (In Russ.).

«Да! – сказала она с мукой. – Нет! – возразил он с содроганием. – Вот и весь ваш Достоевский!» – говорил Бунин Адамовичу.

М.Л. Гаспаров. Записки и выписки

Непрекращающиеся попытки объяснить особенности творчества ряда знаменитых художников, композиторов и писателей проявлениями их психических или неврологических заболеваний часто оказываются столь же настойчивыми, сколь и бесплодными. Недавние примеры этому – попытки представить кубизм Пикассо или галлюцинации Шопена как влияние эпилепсии [1, 2].

С Федором Михайловичем Достоевским ситуация несколько иная: сомнений в его заболевании нет, оно задокументировано в ряде добросовестно написанных биографий, основанных на достоверных источниках – медицинских заключениях, записных книжках, письмах и воспоминаниях хорошо знавших его людей (хотя споры о форме заболевания все еще продолжаются). Вне всякого сомнения, Достоевский – один из самых талантливых писателей в истории. Он внес огромный вклад в мировую литературу и повлиял на целую плеяду знаменитых писателей – от Германа Гессе, Марселя Пруста и Франца Кафки до Эрнеста Хемингуэя, Габриеля Гарсии Маркеса и Джека Керуака. Его жизнь – яркая иллюстрация того, как гениальный

Федор Михайлович Достоевский (1821–1881), великий русский писатель, философ и публицист

Fyodor Mikhailovich Dostoevsky (1821–1881), a great Russian writer, philosopher, and essayist

писатель способен перевоплотить свою болезнь в литературные шедевры.

Н.К. Михайловский в 1882 г. писал: «Мы... признаем за Достоевским огромное художественное дарование и вместе с тем не только не видим в нем боли за оскорбленных и униженных, а, напротив, видим какое-то инстинктивное стремление причинить боль этому униженному и оскорбленному». Не знал почтенный критик, что бездны, которые открывал Федор Михайлович, были сгустком, квинтэссенцией психопатологии. В своих произведениях осуществлял он такие путешествия в глубины и закоулки собственной души, по сравнению с которыми лабиринт Минотавра может показаться детской песочницей.

Впервые ретроспективно проанализировал болезнь Достоевского врач Г.В. Сегалин в 1907 г. [3]. В 20-х гг. XX в. этим вопросом занимались Т. Розенталь, З. Фрейд и С. Цвейг, позднее – H. Gastaut, T. Alajouanine, I. Iniesta, P. Voskuil и многие другие [4–6].

Достоевские по линии отца происходили из старинного литовского рода. Среди них были члены Главного трибунала Литвы, судьи, хорунжие, епископы. Весь род Достоевского представляет собой ряд ярких психопатических личностей. Биографы предполагают, что предки писателя были властными, пылкими и неукротимыми «в своих страстях и вожделениях» людьми. В конце XVI в. некая Мария Стефановна Достоевская обвинялась в убийстве мужа, покушении на убийство пасынка и составлении подложного завещания на их имущество. А в середине XVII в. Филипп Достоевский обвинялся в грабеже и нанесении побоев. Не принявшие католичества Достоевские были вытеснены из рядов западного дворянства, и дед Достоевского уже был протоиереем в заштатном городе Брацлаве Подольской губернии.

Отец писателя, Михаил Андреевич, врач по специальности, страдал запойным пьянством, был угрюмым, подозрительным и патологически жестоким человеком, издевавшимся над своими крестьянами, за что и был убит последними – то ли задушен подушкой во время езды в экипаже, то ли просто забит до смерти. Однако не исключено, что причиной смерти был обычный инсульт. По неуточненным данным, именно это обстоятельство (смерть отца) и вызвало первый эпилептический припадок у Федора Михайловича. Братья его – Михаил и Николай – страдали алкоголизмом (последний всю жизнь был в тягость писателю). Его любимая сестра В.М. Карепина, мелочная, деспотичная, въедливая, патологически жадная, была из-за денег убита дворником своего дома. Брат писателя А.М. Достоевский и его сын А.А. Достоевский, вероятно, были эпилептоидными психопатами.

Федор Михайлович передал болезнь и сыновьям – Федору и Алексею. Трехлетний Алексей умер в Старой Руссе в результате, по всей видимости, эпилептического статуса. Федор был вспыльчивым, обидчивым, обладал преувеличенным чувством собственного достоинства и вниманием к мелочам, доводившим окружающих до бешенства. Не могли похвалиться здоровой психикой и остальные потомки Достоевского. В 1933 г. М.В. Волоцкой в «Хронике рода Достоевского» привел такую статистику: из 140 известных в то время прямых потомков Михаила Андреевича Достоевского лишь 27 не имели каких-либо отклонений, у 66 отмечалась шизофрения, эпилепсия, алкоголизм, суицидальные попытки или сочетание этих симпатичных недостатков. Но интересно и другое: в этой же группе значительна доля интеллектуально и художественно одаренных личностей [7].

Да и сам Федор Михайлович, каким бы великим писателем ни являлся, проявлял порой не лучшие качества: во всяком случае, своего «Игрока» писал, глядя в зеркало. Об этом говорили многие – от Марка Слонима до жены Достоевского Анны Григорьевны.

Софья Васильевна Ковалевская в своих «Воспоминаниях» приводит эпизод, когда Ф.М. Достоевский, часто захаживавший в гостеприимный дом генерала В.В. Корвин-Круковского, дочери которого Анна и Софья (будущая Ковалевская) были без ума от произведений писателя, да и от самого Федора Михайловича, рассказывал матери в присутствии обеих

дочерей, как однажды он в пьяной компании изнасиловал десятилетнюю девочку. Елизавета Федоровна тогда всплеснула руками и проговорила: «Федор Михайлович! Помилосердствуйте! Ведь дети тут!» [8]. Возможно, это послужило причиной отказа Достоевскому, который сделал предложение старшей из сестер – Анне. Впрочем, биографы писателя считают, что в действительности этот эпизод в жизни Достоевского не происходил (хотя и был описан им в «Бесах»). А вдова писателя Анна Григорьевна в своих «Воспоминаниях» возмущенно отрицала подобные случаи в жизни писателя, приводя в качестве аргумента высокие нравственные качества своего мужа. Однако хороший знакомый писателя и его первый биограф литературный критик Николай Страхов в письме к Льву Толстому упоминал об этом происшествии (если уместно данное слово); говаривал об этом и приятель молодости Достоевского писатель Дмитрий Григорович. Литератор А.И. Фаресов утверждал, что еще одна близкая знакомая Достоевского, К.В. Назарьева, сама слышала от писателя о совращении им несовершеннолетней девочки. Не будем брать на веру заявления мемуаристов, хотя, с другой стороны, многие черты характера Федора Михайловича и события жизни его остаются загадочными и необъяснимыми, – подлинную правду о нем знали только немногие друзья. В своих романах и повестях он так взволнованно говорил о тайнах, безднах и безумиях пола, так настойчиво выводил сластолюбцев, растлителей и развратников, так проникновенно рисовал инфернальных и роковых женщин, что совершенно естественно возникает вопрос – откуда пришло к нему исключительное знание тяжелой, порою чудовищной эротики его распаленных страстью героев и героинь? Создал он весь этот мир преступлений и возмездия, взлетов духа и беснования плоти из наблюдений, фантазий или собственного опыта?

В.П. Эфроимсон писал: «При всем уважении к гению Федора Михайловича, его характерология не вызывает сомнения: это был деспот, взрывчатый, неудержимый в своих страстях (картежных и аномально-сексуальных), беспредельно тщеславный, со стремлением к унижению окружающих и эксгибиционизмом, сочетавший все это со слезливой сентиментальностью, необычайной обидчивостью и вязкостью» [9].

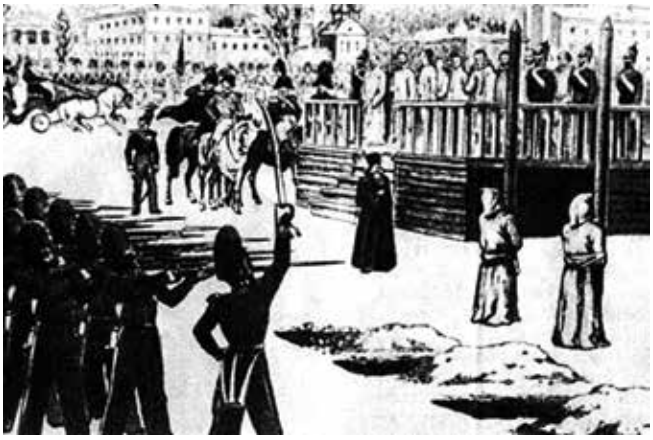
В точности неизвестно, но, по всей вероятности, эпилепсия у Достоевского началась где-то в конце 30-х – начале 40-х гг. XIX в., а может и чуть раньше – в более мягкой форме. Первое убедительное свидетельство эпилептического приступа датируется октябрем 1844 г., Достоевскому на тот момент 22 года. Об этом упоминает Д.В. Григорович – его сокурсник и сосед по комнате во время учебы в Военной инженерной академии: «Несколько раз во время наших редких прогулок с ним случались припадки... с ним случился припадок настолько сильный, что я с помощью прохожих принужден был перенести в ближайшую мелочную лавку; насилу могли привести его в чувство. После таких припадков наступало обыкновенно угнетенное состояние духа, продолжавшееся дня два или три» [10].

Некоторые искусствоведы сообщают, что первый припадок у Достоевского возник еще раньше – в детском возрасте, когда однажды ночью, разбуженный криками матери, он вошел в спальню родителей и увидел, как его отец избивает рыдающую мать. Психоаналитики сразу подхватили идею о связи комплекса вины и падучей у писателя. В сборнике под редакцией З. Фрейда профессор И. Нейфельд писал: «Бессознательные чувства ненависти и мести против отца были так сильны, что цензура сознания могла защищаться от них только при помощи глубокого обморока» [11]. Впрочем, доказательств этому не существует.

По его собственному признанию, в годы молодости Достоевский не отказывался участвовать в товарищеских пирушках, и эти шумные вечера обычно заканчивались в публичных домах. Достоевский писал: «Я так распутен, что уже не могу жить нормально...», а также: «Минушки, Кларушки, Марианны и т.п. похорошели донельзя, но стоят страшных денег. На днях Тургенев и Белинский разбранили меня в прах за беспорядочную жизнь...»

В мае 1846 г. Федор Михайлович обратился к доктору Яновскому за помощью в связи со своими припадками, и до самого его ареста они встречались очень часто. Яновский писал: «...Федор Михайлович Достоевский страдал падучею болезнью еще в Петербурге, и притом за три, а может быть, и более лет до арестования его по делу Петрашевского, а следовательно, и до ссылки в Сибирь. Дело все в том, что тяжелый этот недуг, называемый epilepsia, падучая болезнь, у Фед<ора> Мих<айловича> в 1846, 1847 и 1848 годах обнаруживалась в легкой степени; между тем, хотя посторонние этого не замечали, но сам больной, правда смутно, болезнь свою сознавал и называл ее обыкновенно “кондрашкой с ветерком”». И Яновский же утверждал: «Вина и кутежа он был решительный враг; притом же, будучи от природы чрезвычайно мнительным (что у него было несомненным признаком известных страданий мозга и именно такого рода, которые впоследствии обнаружились чистою формой падучей болезни) и состоя под страхом *кондрашки*, он всячески воздерживался от всего возбуждающего» [12].

Уже будучи известным писателем, Достоевский познакомился с М.В. Петрашевским и стал членом общества, проповедующего самые радикальные взгляды. Через несколько лет он был арестован и 22 декабря 1849 г. пережил несколько страшных часов на Семеновском плацу, когда готовящийся к исполнению смертный приговор был заменен восьмилетней каторгой. Событие, скажем так, нетривиальное – во всяком случае, начинаешь меньше удивляться судорожным припадкам у Достоевского, поскольку один из приговоренных,



Инсценировка казни петрашевцев на Семеновском плацу в 1849 г. (рисунок Б. Покровского)

Petrashevsky Circle mock execution on Semyonov Place in 1849 (a sketch by B. Pokrovsky)

Николай Григорьев, вообще сошел с ума и прожил оставшиеся 20 лет в полной прострации.

Вероятно все же, что первые по-настоящему тяжелые и более частые судорожные припадки начались у Достоевского уже на каторге, о чем сообщал и сам писатель. В 1857 г. он писал своему брату о судорожном припадке, который случился у него на обратном пути из Кузнецка, вскоре после венчания со своей первой женой Марией Дмитриевной Исаевой: «На обратном пути я остановился в Барнауле у одного знакомого. Тут меня посетило несчастье, совсем неожиданно случился со мной припадок эпилепсии, перепугавший до смерти жену, а меня исполнивший грусти и уныния. Доктор сказал мне, вопреки всем прежним отзывам докторов, что у меня настоящая падучая и что я в один из этих припадков должен ожидать, что задохнусь от горловой спазмы и умру не иначе, как от этого. В общем, посоветовал остерегаться новолуния... Женясь, я совершенно верил докторам, которые уверяли, что это просто нервные припадки, которые могут пройти с переменой образа жизни. Если бы я наверное знал, что у меня эпилепсия, я бы не женился...» Возможно, это был первый действительно серьезный приступ.

Припадков у Достоевского случалось от одного до нескольких в месяц, и обычно они были связаны с душевными переживаниями, хотя наблюдавшие Достоевского врачи считали, что приступы у него провоцируются избыточным употреблением алкоголя. Как признавал сам Федор Михайлович, явными факторами, способствовавшими появлению судорожных припадков, были алкоголь и напряженная работа. Добавим, что мощным стрессовым фактором была игра в рулетку, тем более что писатель чаще проигрывал.

Николай Страхов так описывает один из припадков Достоевского: «...вдруг из его открытого рта вышел странный, протяжный и бессмысленный звук, и он без чувств опустился на пол среди комнаты... вследствие судорог все тело только вытягивалось, да на углах губ показалась пена...»

Знавшие Достоевского лично отмечают, что часто речь его была настоящим экстазом, напоминающим то, что описано на вечере у Епанчиных, где князь Мышкин кончил эпилептическим припадком. В своих воспоминаниях тот же Страхов описывает это таким образом: «...сижу, бывало, слушаю, как он, не умолкая, говорит в продолжение целого вечера, и со страхом думаю, что вот-вот он сейчас с ума сойдет, так возбуждена была его речь, и так быстро, сам того не замечая, он перескакивал с одного предмета на другой; и это оканчивалось иногда припадком».

В одной из глав своих записей Страхов пишет следующее: «...Федор Михайлович часто говорил мне, что началу атак предшествуют минуты, в которых он испытывал некий восторг». «На несколько минут, – он говорил, – я испытывал такое счастье, какое невозможно ощутить в обычной жизни, такой восторг, который не понятен никому другому. Я чувствовал себя в полной гармонии с собой и со всем миром, и это чувство было таким сильным и сладким, что за пару секунд такого блаженства я бы отдал десять и более лет своей жизни, а может и всю жизнь».

Перед приступом у Достоевского была аура, которую он сам красочно и описал. В своих воспоминаниях Софья Ковалевская приводит случай, рассказанный самим Достоевским: «...я почувствовал, что небо сошло на землю и поглотило меня. Я реально постигнул Бога и проникнулся им... Вы все, здоровые люди, и не подозреваете, что такое счастье, то счастье, которое испытываем мы, эпилептики, за секунду перед припадком. Магомет уверяет в своем Коране, что видел рай и был в нем... Он не лжет! Он действительно был в раю в припадке падучей, которою страдал, как и я. Не знаю, длится ли это блаженство секунды, или часы, или месяцы, но, верьте слову, все радости, которые может дать жизнь, не взял бы я за него!»

По последним данным, экстатическая аура – редкое, но не исключительное явление, встречающееся примерно у 2 % больных эпилепсией и обычно связанно с поражением гиппокампа. Некоторые неврологи (в частности, Гасто) отрицали существование этого вида ауры, пока в 1980 г. он не был задокументирован при проведении электроэнцефалографии [13].

Последствиями припадков у Достоевского иногда были ушибы от падения, боли в мышцах, покраснение лица или пятна на нем. После приступа два-три дня он всегда чувствовал себя разбитым, вялым, «мысли не вязались, голова не работала», терял память. Душевное состояние его было очень тяжелым, он едва справлялся со своей «тоской и впечатлительностью». Характер этой тоски, по собственным словам Достоевского, состоял в том, что он чувствовал себя каким-то преступником, ему казалось, что над ним тяготеет «неведомая вина, великое злодейство».

В.С. Соловьев так описывает состояние Достоевского после припадка: «...он бывал иногда совершенно невозможным после припадка. Его нервы оказывались до того потрясенными, что он делался совсем невменяемым в своей раздражительности и странностях. Придет он, бывало, ко мне, войдет, как черная туча, иногда даже забудет поздороваться и, изыскивая всякие предлоги, чтоб побраниться, чтоб обидеть, и во всем видеть себе обиду, желание дразнить и раздражать его... Все-то ему кажется не на месте и совсем не так, как нужно, то слишком светло в комнате, то так темно, что никого разглядеть невозможно... <...> Через час – и он бывал в самом милом настроении духа. Только страшно бледное лицо, сверкающие глаза и тяжелое дыхание указывали на болезненное его состояние. Но если, случайно, в подобный день он встречался с посторонними незнакомыми людьми, то дело осложнялось.

...Болезненное состояние Достоевского часто сказывалось безмерной раздражительностью, почти невероятными и непонятными вспышками. Изможденное лицо, лицо сидевшего в тюрьме... фанатика сектанта, искажалось злобой и приводило в недоумение до испуга, когда он, буквально, накидывался на людей» [14].

Достойно упоминания, что Достоевский написал более 900 писем друзьям, родственникам, коллегам, сборник которых был опубликован после его смерти. В них он подробно рассказывает о своей болезни – особенно в своих письмах брату Михаилу и племяннице Софье Александровне. Из них мы узнаем о характере припадков, о состоянии после приступов, о депрессии, которая, по рассказам Григоровича, длилась обычно два-три дня, а иногда – до недели [15, 16].

С 1860 г. писатель начинает фиксировать даты эпилептических приступов в блокноте; всего в его записных книжках и рабочих тетрадях в период с 1860 по 1880 г. описано около восьмидесяти эпилептических приступов. Достоевский довольно подробно описывал свои припадки, как правило отмечая дату, место и, главное, ощущения, которые испытывал во время припадка. Сохранилось множество воспоминаний родных и знакомых писателя – Д.В. Григоровича, Н.Н. Страхова, С.Д. Яновского, А.П. Милюкова и других, проливающих свет на характер заболевания Федора Михайловича, однако наиболее ярко приступы писателя описывала вторая жена писателя, Анна Григорьевна. Она была вполне осведомлена о болезни мужа и стала заботливой и достаточно профессиональной сиделкой. После смерти Достоевского она опубликовала свои воспоминания. Вот что она пишет о приступе эпилепсии, случившемся у Достоевского во время медового месяца: «...вдруг раздался ужасный нечеловеческий вопль, и Федор Михайлович начал склоняться вперед. Я обхватила его за плечи и силой посадила на диван. Но каков был ужас, когда я увидела, что бесчувственное тело моего мужа сползает с дивана, а у меня нет сил удержать его. Сама я тоже опустилась и все время судорог держала его голову на своих коленях... Мало-помалу судороги прекратились, и Федор Михайлович стал приходить в себя; но сначала он не осознавал, где находится, и даже потерял свободу речи» [17]. Через час приступ повторился, и после этого Достоевский приходил в себя около двух часов.

Анна Григорьевна Достоевская (Сниткина) (1846–1918), вторая жена писателя

Anna Grigorievna Dostoevskaya (née Snitkina) (1846–1918), writer's second wife

Вот еще отрывок из ее воспоминаний: «...Федор Михайлович разговаривал с моей сестрой и был крайне возбужден. Неожиданно он стал бледен, покачнулся к дивану и стал наклоняться в мою сторону. С величайшим удивлением я смотрела на изменения в его лице, как внезапно раздался крик, полный страха, крик, в котором не было ничего человеческого – почти вопль, и мой муж продолжил сгибаться все сильнее и сильнее...» Она также сообщала: «...наибольший интервал между припадками его болезни длился четыре месяца, но иногда случались каждую неделю... бывают случаи, когда у него было два припадка в течение недели, а иногда и два припадка один за другим с интервалом всего несколько часов... часто я бегаю из своей комнаты к нему в комнату. Обычно катастрофа случается ночью, поэтому он спит на широком и низком диване – на случай, если очнется... все, что я могу сделать, это расстегнуть верхнюю пуговицу его рубашки». По словам Анны Григорьевны, приступы начинались

с дикого крика (даже воя), появления выражения страха на лице (характерно для поражения височной доли) и потери сознания, а после припадков писатель на время терял речь (постиктальная дисфазия).

Анна Григорьевна упоминала, что эпилепсия значительно ухудшила память писателя. Она описывает эпизод, когда Достоевский не смог узнать известного и хорошо знакомого ему поэта, а в посольстве не вспомнил ее девичью фамилию. Менялся и почерк писателя: страницы рукописи романа «Бесы» демонстрируют гиперграфию, наряду с использованием минимального свободного пространства, навязчивым почерком и проявлениями чрезмерной религиозности (рисунок церкви, трансформация слова "Rachel" в "Raphael") [18, 19].

Некоторые дотошные исследователи считали, что Достоевский переживал приступы страха смерти в летаргическом сне куда тяжелее самих припадков, поскольку, когда первые исчезли (на каторге) и заменились судорожными пароксизмами, он считал себя «вылеченным» (о чем и сообщал в письмах к доктору Яновскому), и что эти приступы нельзя отождествлять с обыкновенными психастеническими фобиями, а следует скорее рассматривать как эквивалент припадков.

В 1864 г. Достоевский в «Необходимой декларации» написал следующие строки: «Да, я болен падучей болезнью, которую имел неудачей приобрести в приятную эпоху жизни. Болезнь не причина для позора. И падучая болезнь не предотвращает деятельность... было много значительных личностей с падучей болезнью, один из которых даже опрокидывал половину мира...» (очевидно, Федор Михайлович имел ввиду Цезаря, Александра Македонского или Наполеона).

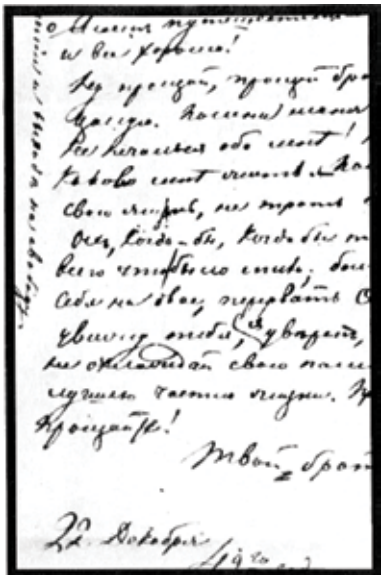
Надо сказать, что диагноз «эпилепсия» не вызывал сомнения практически ни у кого из докторов, к которым обращался Достоевский и которые имели возможность его наблюдать. В Петербурге Достоевский консультировался у профессора Медико-хирургической академии В.В. Бессера, а также у других врачей, в частности у И.М. Барча. Однако в 1863 г. он писал своему коллеге и литературному сопернику И.С. Тургеневу о своем желании поехать в Европу, чтобы показаться европейским медицинским светилам: «...я очень болен эпилепсией, это становится все хуже и доводит меня до отчаяния. Если бы вы только знали, какое уныние я испытываю после припадков, иногда целыми неделями подряд!.. Я собираюсь в Берлин и Париж, но на короткий срок для того, чтобы получить консультации специалистов по эпилепсии (Труссо в Париже, Ромберг в Берлине). В России нет специалистов, и я получаю такие разнообразные и противоречивые советы от местных врачей, что потерял в них всякую веру...»

В середине 1863 г. Федор Михайлович получил разрешение выехать за границу. Во время поездки он добился желанных консультаций М. Ромберга в Берлине, А. Труссо и Ж. Герпена в Париже, которые подтвердили его диагноз (подчеркивая мастерство писателя, с которым он описывал постепенное развитие приступа). Кстати, по неизвестной причине о Ромберге Достоевский отзывался впоследствии весьма недоброжелательно. Позднее писатель общался со многими европейскими врачами в годы, когда путешествовал и жил во Франции, Италии и Германии (в 1867 и 1871 гг.) [20].

Наблюдался Достоевский и у других петербургских врачей. В училище его лечил Максимилиан Гейне (кстати, брат Г. Гейне). У офтальмолога Э.А. Юнге, возглавлявшего первую в России (и вторую в мире) кафедру офтальмологии в Медико-хирургической академии, он лечился по поводу травмы глаза, полученной во время одного из приступов. У знаменитого С.П. Боткина Достоевский консультировался по поводу болезни легких (хронической обструктивной болезни легких, осложнившейся эмфиземой, или туберкулеза) – этот недуг и стал впоследствии причиной его смерти. Долгое время писателя лечил Я.Б. фон Бретцель, специалист по внутренним и инфекционным болезням. С 1879 г. Достоевского наблюдал брат его жены М.Н. Сниткин, педиатр и знаток болезней легких. При этом отношения Достоевского с врачами были не всегда гладкими и часто противоречивыми.

Кстати, врачи неоднократно рекомендовали Достоевскому прекратить писать, чтобы предотвратить эпилептические припадки, да и сам он признавал в своих письмах, что повышенная концентрация внимания и недостаток сна негативно влияют на его здоровье. К счастью и для своих современников, и для нас, и для будущих поколений, Федор Михайлович признавал и целебное воздействие литературного творчества на его психическое здоровье, советы врачей игнорировал и продолжал писать до конца жизни.

Человек, более всего обогативший наши знания о заболевании Достоевского, вероятно, доктор Степан Дмитриевич Яновский (1817–1897), бывший не только лечащим врачом, но и довольно близким другом писателя. К тому же Достоевский часто брал книги по медицине из библиотеки Яновского, в том числе и касающиеся его заболевания. Яновский оставил любопытные воспоминания, опубликованные через несколько лет после смерти писателя в «Русском вестнике», а сам стал прообразом персонажа Трусоцкого в повести «Вечный муж». Лечебные процедуры, назначаемые Яновским, были связаны с попытками устранить периодически появляющиеся у Достоевского галлюцинации и признаки «дурноты головы». Они много разговаривали не только о медицине, но и о музыке, о литературе, о повседневных делах. Нужно сказать, правда, что доктор слегка приукрасил портрет своего пациента и друга, изобразив его человеком, не гонявшимся за юбками, не любившим вина и не признававшим карт.



Письмо Ф.М. Достоевского своему брату Михаилу из Петропавловской крепости (1849)

Fyodor Dostoevsky's letter to his brother Mikhail from the Peter and Paul Fortress (1849)

Следует признать, что со временем болезнь все-таки изменила характер писателя: стало резко меняться настроение, часто наваливаться депрессия, появились бредовые идеи на религиозные темы и своеобразная вязкость мышления [21–23]. Заболевание оказало влияние на речь и стиль письма Федора Михайловича. Он пишет нервно, напряженно и импульсивно; фразы иногда длинные (порой – на целую страницу) и усложненные, содержат причудливые скопления разговорных высказываний, официальных, журнальных и научных терминов, заграничных слов, названий и цитат, иногда прерывающихся короткими вставками [24]. Достоевский часто повторял одно и то же слово в разных интонациях, писал педантично, каллиграфическим почерком, порой не оставляя и намека на свободное пространство на листе.

Большинство из более современных нам неврологов и психиатров, изучавших творчество и болезнь Достоевского (J.R. Hughes, H. Gastaut, N. Geschwind) сходятся во мнении, что писатель страдал височной формой эпилепсии, характеризующейся парциальными припадками, с вторичной генерализацией и экстатической аурой [25–28]. Выделена даже особая форма эпилепсии – «экстатическая эпилепсия», или «эпилепсия Достоевского» [13, 29].

В этом был уверен и T. Alajouanine (основываясь в первую очередь на особенностях ауры) [30]. Французский врач, кстати, был первым неврологом, опубликовавшим свои мысли о заболевании писателя в научном журнале Brain. Используя глубинные электроды, J. Bancaud установил в свое время, что данный тип ауры наиболее типичен для поражения медиальных отделов височной доли.

Почерк и автопортрет Достоевского в романе «Бесы» (1872)

Dostoevsky's handwriting and self-portrait in Demons (1872)

Фрагмент черновой рукописи романа «Братья Карамазовы» (1879)

A fragment of a draft manuscript of Karamazov Brothers (1879)

Помимо своеобразной ауры, на очаговое происхождение болезни указывают и другие особенности припадков Достоевского: ощущение двустороннего

подергивания и зуда в руках в начале судорог и нарушение речи – после. Бледность, ночные приступы, тремор, вегетативные дисфункции говорят о поражении височной доли и островка (об этом свидетельствует и ухудшение памяти с возрастом) [31, 32]. В своих воспоминаниях Анна Достоевская ссылается на растерянность и блуждание мужа после припадков, что также характерно для височной эпилепсии. Постиктальная афазия свидетельствует о вовлечении доминантного полушария [33, 34]. Не исключено, что у Достоевского было редкое сочетание парциальной и идиопатической генерализованной эпилепсии (частота такого сочетания не превышает 0,2 %) [35]. В 1980 г. F. Cirignotta и соавт. описали пациента с височной эпилепсией и экстатическими аурами, клинические симптомы у которого были совершенно аналогичными тем, которые описывал у себя Достоевский [13].

Впрочем, J. de Toledo считал, что у писателя могли быть и неэпилептические припадки – этот вывод он делает на основании изучения последнего романа «Братья Карамазовы», в котором Смердяков имитирует длительный эпилептический припадок, чтобы обеспечить себе алиби при убийстве своего отца [35]. А Зигмунд Фрейд считал, что у Достоевского не было истинной эпилепсии, а имелось аффективное психическое расстройство, связанное с его сложными отношениями с отцом. Он также сомневался, что эпилепсия позволила бы Достоевскому сохранить свои интеллектуальные способности и достичь грандиозных результатов в своем творчестве.

Тщательное изучение заболевания Ф.М. Достоевского, равно как и других крупных деятелей литературы или искусства, позволяет нам глубже проникнуть в их творческие замыслы, оценить всю многогранность их таланта. Нам не дано полностью понять, каким на самом деле был Достоевский, однако, без всякого сомнения, был он гораздо сложнее, чем любой из его героев, – гениальный эпилептик, с юных лет боровшийся со своей болезнью (и победивший ее), прошедший через испытания угрозой смерти, каторгой, постоянным одиночеством. Он прожил сложную, но яркую жизнь.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Ковалевский П.И. Психиатрические этюды из истории. М.: Терра, 1995. 1070 с. [Kovalevsky P.I. Psychiatric studies from history. Moscow: Terra, 1995. 1070 p. (In Russ.)].
2. Temkin O. The falling sickness: a history of epilepsy from the Greeks to the beginnings of modern neurology. Baltimore: John Hopkins Press, 1971. 467 p.
3. Сегалин Г.В. Европатология гениальных эпилептиков. Форма и характер эпилепсии у великих людей. Клинический архив гениальности и одаренности (европатологии) 1926;2(3):143–88. [Segalin G.V. Europathology of brilliant epileptics. Form and features of epilepsy of great persons. Klinicheskij arhiv genial'nosti i odarennosti (evropatologii) = Clinical Archive of Genius and Giftedness (Europathology) 1926;2(3):143–88. (In Russ.)].
4. Розенталь Т.К. Страдание и творчество Достоевского. Вопросы изучения и воспитания личности 1919;(1):88–107. [Rosenthal T.K. Anguish and creative work of Dostoevsky. Voprosy izuchenija i vospitanija lichnosti = Issues in Research and Upbringing of Personality 1919;(1): 88–107. (In Russ.)].
5. Freud S. Dostoevsky and parricide. In: Standard edition of the collected psychological works. Ed. by J. Strachey. London: Hogarth Press, 1961. P. 177–194.
6. Gastaut H. New comments on the epilepsy of Fyodor Dostoevsky. Epilepsia 1984;25(4):408–11. DOI: 10.1111/j.1528-1157.1984.tb03435.x.
7. Волоцкой М.В. Хроника рода Достоевского. М.: Север, 1933. 444 с. [Volockoy M.V. Chronicle of Dostoevsky's kin. Moscow: Sever, 1993. 444 p. (In Russ.)].
8. Ковалевская С.В. Воспоминания. М.: АСТ-Пресс, 2005. 288 с. [Kovalevskaja S.V. Memoirs. M.: AST-Press: 2005, 288 p. (In Russ.)].
9. Эфроимсон В.П. Генетика этики и эстетики. СПб.: Талисман, 1995. 288 с. [Ephroimson V.P. Genetics of ethics and aesthetics. Saint Petersburg: Talisman, 1995. 288 p. (In Russ.)].
10. Григорович Д.В. Из «Литературных воспоминаний». В кн.: Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. С. 192–213. [Grigorovich D.V. From "Literary Memoirs". In: F.M. Dostoevsky in memoirs of contemporaries. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1990. Vol. 1. P. 192–213. (In Russ.)].
11. Нейфельд И. Достоевский. Психоаналитический очерк. Ижевск: Ergo, 2011. 84 с. [Neufeld J. Dostoevsky. A psychoanalytic study. Izhevsk: Ergo, 2011. 84 p. (In Russ.)].
12. Яновский С.Д. Воспоминания о Достоевском. Русский вестник 1885;(176):796–819. [Janovskiy S.D. Memoir of Dostoevsky. Russkij vestnik = Russian Bulletin 1885;(176):796–819. (In Russ.)].
13. Cirignotta F., Todesco C.V., Lugaresi E. Temporal lobe epilepsy with ecstatic seizures (so-called Dostoyevsky epilepsy). Epilepsia 1980;21:705–10. DOI: 10.1111/j.1528-1157.1980.tb04324.x.
14. Соловьев В.С. Воспоминания о Ф.М. Достоевском. В кн.: Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1964. Т. 2. [Solovyov V.S. Memories about F.M. Dostoevsky. In: F.M. Dostoevsky in memoirs of contemporaries. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1964. Vol. 2.]
15. Letters of Fyodor Michailovitch Dostoevsky to his family and friends. Ed. by A. Yarmolinski. New York: McGraw Hill, 1963.
16. Frank J., Goldstein D.I. Selected letters of Fyodor Dostoyevsky. New Brunswick: Rutgers University Press, 1987. 572 p.
17. Достоевская А.Г. Воспоминания. М.: Книжный Клуб Книговек, 2018. 336 с. [Dostoevskaja A.G. Memoir. M.: Knizhny Klub Knigovek, 2018. 336 p. (In Russ.)].
18. Siegel A.M., Dorn T. Dostojewskijs Leben im Wechselspiel zwischen Epilepsie und Literatur. Nervenarzt 2001;72(6):466–74. DOI: 10.1007/s001150050782. [Siegel A.M., Dorn T. Dostoievsky's life in the interrelation between epilepsy and literature. Nervenarzt 2001;72(6):466–74.(In German)].
19. Waxman S.G., Geschwind N. Hypergraphia in temporal lobe epilepsy.

Neurology 1974;24(7):629–36. DOI: 10.1212/wnl.24.7.629.
20. Iniesta I. Epilepsy in Dostoevsky. Prog Brain Res 2013;205:277–93. DOI: 10.1016/B978-0-444-63273-9.00014-9.
21. Larner A.J. Dostoevsky and epilepsy. ACNR 2006;6(1):26.
22. Voskuil P.H. The epilepsy of Fyodor Mikhailovitch Dostoevsky (1821–1881). Epilepsia 1983;24(6):658–67. DOI: 10.1111/j.1528-1157.1983.tb04628.x.
23. Waxman S.G., Geschwind N. The interictal behavior syndrome of temporal lobe epilepsy. Archiv Gen Psychiatry 1975;32:1580–1586. DOI: 10.1001/archpsyc.1975.01760300118011.
24. Voskuil P.H.A. Epilepsy in Dostoevsky's novels. Front Neurol Neurosci 2013;31:195–214. DOI: 10.1159/000343236.
25. Gastaut H. Fyodor Michailovitch Dostoevsky's involuntary contribution to the symptomatology and prognosis of epilepsy. Epilepsia 1978;19(2):186–201. DOI: 10.1111/j.1528-1157.1978.tb05030.x.
26. Baumann C.R., Novikov V.P., Regard M., Siegel A.M. Did Fyodor Mikhailovich Dostoevsky suffer from mesial temporal lobe epilepsy? Seizure 2005;14(5):324–330. DOI: 10.1016/j.seizure.2005.04.004.
27. Hughes J.R. The idiosyncratic aspects of the epilepsy of Fyodor Dostoevsky. Epilepsy Behav 2005;7(3):531–8. DOI: 10.1016/j.yebeh.2005.07.021.
28. Morgan H. Dostoevsky's epilepsy: a case report and comparison. Surg Neurol 1990;33(6):413–6. DOI: 10.1016/0090-3019(90)90155-i.
29. Alajouanine T. Dostoievsky's epilepsy. Brain 1963;86(2):209–18. DOI: 10.1093/brain/86.2.209.
30. Iniesta I. On the good use of epilepsy by Fyodor Dostoevsky. Clin Med 2008;8(3):338–39. DOI: 10.7861/clinmedicine.8-3-338.
31. Seneviratne U. Fyodor Dostoevsky and his falling sickness: a critical analysis of seizure semiology. Epilepsy & Behavior 2010;18(4):424–30. DOI: 10.1016/j.yebeh.2010.05.004.
32. French J.A., Williamson P.D., Thadani V.M. et al. Characteristics of medial temporal lobe epilepsy. I. Results of history and physical examination. Ann Neurol 1993;34(6):774–80. DOI: 10.1002/ana.410340604.
33. Iniesta I. Dostoevsky's epilepsy: a contemporary "paleodiagnosis". Seizure 2007;16(3):283–5. DOI: 10.1016/j.seizure.2006.11.003.
34. Jeha L.E., Morris H.H., Burgess R.S. Coexistence of focal and idiopathic generalized epilepsy in the same patient population. Seizure 2006;15(1):28–34. DOI: 10.1016/j.seizure.2005.10.004.
35. De Toledo J.C. The epilepsy of Fyodor Dostoyevsky: insights from Smerdyakov Karamazov's use of a malingered seizure as an alibi. Arch Neurol 2001;58(8):1305–6. DOI: 10.1001/archneur.58.8.1305.

ORCID авторов / ORCID of authors
А.Ю. Улитин / A.Yu. Ulitin: https://orcid.org/0000-0002-8343-4917
Г.В. Одинцова / G.V. Odintsova: https://orcid.org/0000-0002-7186-0054
В.Г. Нездоровина / V.G. Nezdorovina: https://orcid.org/0000-0001-5956-5282
С.М. Малышев / S.M. Malyshev: https://orcid.org/0000-0002-4381-347X

Статья поступила: 30.11.2020. **Принята к публикации:** 16.03.2021.
Article submitted: 30.11.2020. **Accepted for publication:** 16.03.2021.